Мне жаль, что спектакль Театра Наций «Рассказы В. Шукшина», о котором напомнило центральное телевидение в дни самоизоляции, вызывает глубочайшее разочарование при невероятно высоких ожиданиях... Жаль, потому что в спектакле этом участвуют Е. Миронов, Ч. Хаматова – хорошие актеры, как казалось, тонкой душевной организации и обостренного эстетического чувства... Жаль, что у создателей спектакля полностью отсутствовала установка на целостное освоение текстов великого печальника Земли русской, на сочувственное постижение судьбы людей, созидавших наше недавнее историческое прошлое, самый точный и полный образ которого принадлежит выдающемуся писателю.

Того мира, о котором писал Шукшин, уже почти нет. Уходящая мучительно русская деревня защитить себя не может, не может и художник защитить своих героев, которые жили и погибали всерьез. Нет той деревни, над которой поглумились актеры, почти нет людей с таким мирочувствованием, с таким эмоциональным опытом, который был не хуже и не лучше нынешнего, он просто был! И велика ли заслуга ведомых модным режиссером столичных артистов, покуражившихся над деревенским людом? А высокомерная усмешка в адрес советского прошлого сегодня воспринимается как пошлость, ведь уже десятилетия прошли с момента очередного в нашей истории великого перелома, десятилетия, которые обычно заставляют опамятоваться, как говорили наши отцы и деды. Но по-прежнему Шукшин-художник, опередивший нас в раскодировании онтологической сути повседневности, ждет появления нашего намерения подняться до истинного понимания своей истории и своего народа, а мы до сих пор предпочитаем балаган, забывая о том, что момент прощания с огромным этапом национальной истории исключает насмешку, поверхностность.

Мы много говорили и говорим о правде жизни и художественной правде, которые часто не совпадают. Несовпадение это принимаем и оправдываем. Но ведь есть несовпадения, которые правду жизни уничтожают, участвуют в формировании художественной идеи, не просто деформирующей представление о реальности, но испепеляющей эту самую реальность. Жаль, что чаще всего такого рода несовпадения случаются,

когда театр, кино, прикасаются к великому литературному материалу, который по разным причинам для «мастеров сцены» становится непостижимым. И случается то, что случилось с Шукшиным, бесконечно ценившим правду характеров (один из сборников так и назвал «Характеры»), диапазон, разнообразие которых беспощадно наращивается авторами спектакля, вопреки персонажным рядам, действительно существовавшим.

Например, общеизвестно, у Шукшина было сложное отношение к советским женщинам. Но, рассказывая о сломе женского варианта национального характера, Шукшин был искренен и честен. А честность отрицает существование, например, пьяненькой, полудурошной героини Ч. Хаматовой. Актерски сделана она прекрасно! Но, кроме формы, есть еще и суть, содержание, смысл. В 60-е годы прошлого века пьющая женщина – явление исключительное. Прочитайте Шукшина внимательно, нет у него таких героинь, потому как их в реальной жизни не было. В балагане действующим лицом становится и маргинальная старушенция, образ которой создан в незабытой еще эстрадной эстетике В. Тонкова и его сценического напарника, придумавших Никитичну и Маврикеевну. Нуждается ли Шукшин в «приписках»?

Глухие актеры беспощадно уничтожают удивительную гармонию писательского слова. Известно, Шукшин не увлекался диалектной фонетикой, а вот диалектное, «вкусное» слово не мог пропустить! Но на сцене происходит что-то несусветное. Ощущение, что никто из актеров не слышал о существовании такого предмета как «сценическая речь». Правда, в современном театре актерская истерика и глухота – дело обычное. Понятно: сказать и доказать не можешь – ори громче, как Шукшин говорил, «интонируй»! Но в этом случае истошными воплями и фальшивыми интонациями не ограничиваются. Дают «подлинную» деревню во всероссийском размахе: один персонаж «окает», другой «акает»... Может быть, теперь так надо, но помню рассказы известного петербургского университетского фонетиста Л.В. Игнаткиной о работе с актерами БДТ над текстом пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Лидия Васильевна говорила об этом времени с невероятным восторгом, восхищалась актерской чуткостью, удивительным, тонким пониманием «жизнестроительного» потенциала художественного слова. Отношение к слову Шукшина – отдельная тема, которой посвящена не одна научная работа, но актеры полностью эту тему игнорируют.

Хотя, наверное, самое симптоматичное – пошлые частушки, которые звучат со сцены. Это не просто пошлость, а вершина пошлости, к покорению которой мы шли давно. Давным-давно на телевидении появилась передача, в которой похабные частушки исполняли почти дети под радостное переглядывание немногочисленной взрослой публики. К счастью, на это «творчество» откликнулся С. Юрский, который, по-моему, в книге с замечательным названием «Попытка думать» написал, что, когда он видит и слышит нечто подобное, он думает, что это не дети, а мутанты. И опять смею утверждать, что мутации

эти – дело недавнее. Опять же мало-мальски интересующимся или обремененным воспоминаниями известно, в деревне одно из развлечений – глядешки, т.е. созерцание праздничных событий, к участию в которых ты не приглашен. Бабы и ребятишки, пришедшие на глядешки, ждали, когда начнут плясать, когда на круг выйдут первые песенницы. Так вот, плясуньи и песенницы никогда не позволяла себе скабрезности, потому что общественное порицание «потерянную», как называли таких частушечниц, настигало немедленно...

Убеждена, спектакль имеет право на существование, но заимствованный из безвременья 90-х пафос его давно устарел, а главное, не имеет отношения к Шукшину, потому что Шукшин – это боль за человека, а тут высокомерное презрение. Подумалось, может быть, сущностное понимание этого театрального действа предложил оператор, снимавший спектакль для трансляции по телевидению? Заключительный кадр – обзор зрительного зала с фокусом на таявшей от всеобщего внимания персоне, которой приписывают знаменитый интернет-афоризм: «Россия – страна генетического отребья»! Смотришь этот спектакль и понимаешь, это правда! Обычно именно этот пафос чрезвычайно привлекает европейского зрителя, о благосклонности которого не так давно рассказывал Е. Миронов корреспонденту «Литературной газеты», да и отечественным поклонникам Артура Пирожкова, пусть по иным причинам, тоже должно понравиться.

Санкт-Петербург. 2020